

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ли Сяоюй на тему: «Проблема “высших личностей” в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Федор Михайлович Достоевский, вероятно, самый востребованный в истории русской философии писатель. При этом Достоевский не оставил ни одного в строгом смысле философского текста. Даже публицистика Достоевского ограничивается, фактически, «Дневником писателя». Тем не менее, о философии Достоевского написано значительно больше, чем написал он сам. Не будет преувеличением сказать, что исследовательская и комментаторская литература о нем многократно превосходит по объему творчество самого писателя. Она достигла такого количества, которое уже явно становится не по силам охватить одинокому исследователю. Каждый год достоевковедение пополняется новыми текстами. Современному исследователю Достоевского уже трудно стоять на плечах своих предшественников из-за их явного переизбытка, и он не редко вынужден действовать на свой «страх и риск», самостоятельно прокладывая свою интерпретационную тропинку сквозь творчество классика. Создается впечатление, что достоевковеды уже вконец затоптали писателя, перебрали все возможные ракурсы истолкования его произведений, вывернули на изнанку и откомментировали все возможные контексты. В то же время каждое новое поколение читателей ставит новые вопросы и пытается найти ответы на них в сочинениях писателя. Большой художник, каким без сомнения был Достоевский, не теряет своей актуальности даже спустя полтора века, после публикации своих произведений. Одну из таких актуализаций предложила Ли Сяоюй в своем диссертационном исследовании.

Проблему личности надо признать центральной для психологического романа, в том числе и для произведений Достоевского. Диссертант уточняет ее как «концепцию “высших личностей”, согласно которой целью каждого человека является полная реализация в себе божественного начала и обретения способности радикального, мистического по своей сущности, влияния на окружающих людей и на весь мир» (с. 6). Примечательно, что в качестве источников своей работы автор почти не затронула крупные произведения Достоевского, за исключением «Преступления и наказания», а обратилась к ранней прозе писателя («Бедные люди», «Белые ночи», «Слабое сердце», «Хозяйка» и др.) и «Дневнику писателя». Именно в «высших личностях», полагает Ли Сяоюй, полнее всего раскрывается сущность человека, которая поясняется как тождество человека и Бога, как явление в человеке божественного совершенства. Мистико-религиозная интерпретация Достоевского ставит под сомнение характеристику его творчества как реализма и даже противоречит криминальным сюжетам многих его романов. Однако вся идеология диссертации сводится именно к тому, чтобы показать, что Достоевский не был реалистом. Главный тезис исследования состоит в том, что Достоевский принадлежал к романтическому направлению в искусстве. Доказывая этот тезис, автор даже закрывает глаза на явный ахронизм, поскольку Достоевский принадлежал уже другой, не романтической эпохе. Диссертация также опровергает еще одно устоявшееся восприятие Достоевского как христианского

мыслителя, хотя автор прямо это и не декларирует, но в своей интерпретацией романтизма выделяет только те черты, приписываемы и Достоевскому, которые несут потению антихристианства.

Итак, исследовательские координаты диссертации заданы двумя тезисами: Достоевский – романтик (явный тезис) и Достоевский – антихристианин, или, по крайней мере, не православный мыслитель (неявный тезис). Конечно, можно сразу отказаться от этих утверждений, признав диссертацию очередным плодом фантастического философского достоевсковедения. Однако можно, вынося «за скобки» верность самих исходных положений, рассмотреть основные аргументы, на которых зиждется вся аксиоматика диссертации и перейти к замечаниям.

Прежде всего в диссертации смущает отсутствие четкого определения романтизма, его хронологического и топологического заземления. Все же романтизм – явление историческое, он привязан к определенному времени и месту. Нельзя быть романтиком до романтизма, а у писателей последующих эпох можно усмотреть романтические мотивы, темы и т. п., но не полноценную реализацию романтической программы. Примечательно, что в диссертации эта программа никак не озвучена. Из всех признаков или критериев романтизма указываются только два: критика исторического христианства и идея человеческого неравенства, приписывание которых романтизму само по себе не бесспорно. Я, конечно, утрирую, но при такой скудной дефиниции романтизма, в романтики можно записать римских императоров, с одной стороны, преследовавших христиан, а с другой, – поощрявших рабовладение. Литература, особенно литературоведческая, о романтизме обширна, поэтому не буду воспроизводить существующие определения, а укажу лишь на то, что критика христианства в немецком романтизме, о которой идет речь в диссертации, укоренена не в самом романтизме. Ее истоки следует искать в протестантизме, отказавшемся от церковного предания. Протестантизм же доводит до крайности значение индивидуального разума, оставляя только за ним право богопознания. Романтический индивидуализм, обозначенный в диссертации как «высшая личность», которой одной доступно богообщение, таким образом, тоже имеет протестантские корни. Безмерное самомнение разума, сопровождаемое духовным скопчеством и гордыней, вырастающие из протестантизма, в произведениях романтиков не редко воплощаются в образах демонических личностей. Вероятно, их можно назвать и «высшими личностями», ставящими себя вровень с личностью Божества и тем самым бросающими ему вызов, но что в этом богоборчестве христианского? Насколько оправдана такая протестантская интерпретация Достоевского? В подкрепление ее диссертант указывает на влияние И.Г. Фихте на русского писателя и даже относит немецкого философа к романтикам. Немецкая классическая философия, действительно, вышла из протестантских школ, на что указывал еще И.В. Киреевский. И.Г. Фихте, безусловно, повлиял на йенских романтиков. Но каким образом? Романтики выступили против И.Г. Фихте, в частности, против его трактовки природы. Романтизм был реакцией на философию И.Г. Фихте, он был направлен против И.Г. Фихте. На этом «романтизм» И.Г. Фихте и заканчивается, поэтому влияние немецкого мыслителя на Достоевского еще не делает его романтиком.

Еще одно доказательство романтизма Достоевского диссертант черпает из взглядов русских философов, В.С. Соловьева и В.В. Розанова. Система аргументации, которая здесь приводится достойна войти в учебники логики. Вот, что написано в диссертации:

«Исследуя, как русские философы развивают идеи, почерпнутые из произведений Достоевского, мы можем более ясно говорить о характере того воздействия, которое было оказано на него романтическим мировоззрением и, в частности, романтической трактовкой христианской доктрины» (с. 32–33). Схема рассуждений выглядит следующим образом: 1) критика исторического христианства – это признак романтизма; 2) В.С. Соловьев и В.В. Розанов критиковали историческое христианство; 3) В.С. Соловьев и В.В. Розанов читали Достоевского; значит 4) их критика христианства идет от Достоевского; следовательно 5) Достоевский был романтиком. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Еще одно «доказательство» романтизма Достоевского диссертант черпает из письма писателя, в котором он перечисляет читаемых авторов: И.Г. Фихте, Ф. Шиллера, Э.Т.А. Гофмана, О. Бальзака, И.В. Гете, В. Гюго. Надо заметить, что описанный круг чтения довольно типичен для поколения, к которому принадлежал писатель и делать из него выводы о романтизме читателя можно лишь очень условно. Однако автор не только заключает из этого списка, что Достоевский был романтиком, но и зачисляет в романтики О. Бальзака, поскольку Достоевский ставит его в один ряд с писателями-романтиками. Ход рассуждений диссертанта напоминает старый анекдот: «- Что общего у Вас с Бальзаком? – Мы оба женились в Бердичеве». Для обоснования романтизма Достоевского и Бальзака диссертант применяет доказательство от противного. Приводимые цитаты и аргументы призваны показать, что Достоевского (как и Бальзака) нельзя отнести к последователям «привычного традиционного реализма» (с. 41). Значит, делается на этом основании вывод, – он был романтиком. Строго говоря, из рассуждений Ли Сяоюй можно сделать только один вывод: большой писатель, как правило, выпадет из «школьных» классификаций и с трудом вписывается в литературоведческие рубрики.

Романтизм как художественное течение, действительно, любит обращаться к образам сильных личностей, описывать их страсти и характер. В России романтизм был воспринят литераторами старшего по отношению к Достоевскому поколению. Дань романтизму, как известно, отдал и молодой А.С. Пушкин. Внимательный исследователь, вероятно, сможет проследить связь и влияние на творчество Достоевского отечественных писателей-романтиков, но рассматриваемая диссертация защищается не по истории литературе, а по истории философии. Романтизм нашел последователей и среди русских мыслителей, прежде всего, славянофилов. Славянофилы увлекались немецкой философией, интересовались народной культурой и собирали русский фольклор, проповедовали учение о народности в науке, предложили концепцию «цельной личности» и новое понимание личности как органа сознания и т. д. В русской философии романтизм полнее всего был представлен как раз в творчестве славянофилов. Достоевский, как известно, разделял многие положения славянофильского учения, поддерживал тесные отношения с представителями славянофильского движения: Н.Я. Данилевским, В.И. Ламанским, О.Ф. Миллером, Н.Н. Страховым, И.С. Аксаковым и др. Напомню один только факт. В 1880 г. Достоевский был делегирован Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом, вокруг которого концентрировалось петербургские славянофилы, в Москву на торжества по случаю открытия памятника А.С. Пушкину. Во время этих тождеств писатель произнес свою знаменитую речь о А.С. Пушкине. В контексте диссертации так и напрашивается сопоставление Достоевского с романтиками-славянофилами. Полагаю, что Достоевский все же был ближе к славянофилам, чем к германским любомудрам. Из

славянофильского учения о личности как органе сознания вытекал и их социальный идеал – соборность, которая может быть изъяснена как единство во множестве, основанное на свободе и любви. Согласно славянофилам, человек впервые становится личностью не тогда, когда он заявляет свои права и пытается навязать свою волю другим людям или подчинить их своей воле, а когда сам, добровольно отказывается от своей воли или ограничивает ее в пользу другого человека или общины. Полагаю, что такое понимание личности Достоевскому было ближе, чем протестантский индивидуализм и мистицизм, на правах собственности присваивающий личного Бога. Восточно-христианская модель спасения как обожения не смешивает человека и Бога. В акте синергии человек причащается божественной энергии и уподобляется Богу, но не становится Богом. Библейское выражение «будьте как боги», к которому отсылает практика обожения, означает, что человек принимает образ и уподобляется Богу, но Богом не становится. Здесь человек достигает максимально возможной степени совершенства и приближения к Богу, но не становится Абсолютом. Об этом, например, говорит и русская философия всеединства. Тварь не может стать Творцом. Сама мысль об этом для православного человека является кощунством. И Достоевский как православный мыслитель едва ли мог согласиться с такой перспективой человекобожия. Православная модель спасения не отрицает возможность спасения мира во всей его полноте: и духовной, и телесной. Более того, личное спасение, достигаемое посредством обожения, как цель и смысл жизни христианина, означает последующую учительную жизнь в миру и помощь другим людям на пути спасения не только при жизни, но и после смерти. Отсюда вытекает православный принцип: если один спасется, то и тысячи спасутся. Протестантский индивидуализм, тем более доходящий до романтического демонизма, принцип предопределенности и т. п. не имеют ничего общего православным учением о спасении, которое, я уверен, разделял Достоевский. Пишу об этом, чтобы показать, что, если задача диссертации состояла в том, чтобы вписать Достоевского в традицию романтизма, то вовсе не обязательно было так онемечивать русского писателя, тем более делать из него поклонника И.Г. Фихте, который не был романтиком. Достаточно было раскрыть славянофильские мотивы в творчестве Достоевского и обозначить исходную романтическую основу славянофильства. В таком случае не потребовалось бы настолько исказить религиозные взгляды писателя, делая из него, по сути, сторонника антихристианского человекобожества или сектанта.

Последнее замечание касается той методологической наивности, которой грешат многие философские интерпретации литературных произведений. Имею в виду отождествление, до буквальности, взглядов автора и героев его произведений. Все-таки не стоит уравнивать косвенную речь художественного текста с прямой речью текста философского. Вероятно, это допустимо для публицистики Достоевского, но по отношению к чисто литературным произведениям писателя надо сохранять герменевтическую дистанцию. Художественный текст отличается от философского не только языком (в этом отношении философия, как правило, – это плохая литература), но тем, что литературные средства выражения несут смысл помимо философского. Выскажу крамольную мысль. Художественное произведение воздействует на читателя не только интеллектуально, но и эмоционально. Оно заставляет читателя сопереживать героям и побуждает задуматься. В этом побуждении литература как раз сближается с философией как самостоятельным мышлением. Правда, философское мышление обладает еще и важными для него, но вторичными признаками: это мышление категориальное,

ответственное и дедуктивное. Художественная литература, побуждающая человека начать мыслить самому, действительно, тяготеет к философии, но все же философией не становится. В противном случае она теряет в художественности, т. е., собственно, в литературном качестве. Философичность литературы обратно пропорциональна ее художественной ценности. Писатель, зачисляемый в философы, принижается как писатель.

В заключении хочу подчеркнуть, что философское вчитывание в тексты Достоевского, предпринятое Ли Сяюй, сравнительный анализ произведений русского писателя и европейской философии, хороший русский язык, которым написана диссертация и прочие ее достоинства, значительно превосходят замечания, отмеченные в отзыве.

Диссертация Ли Сяюй на тему: «Проблема “высших личностей” в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ли Сяюй заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук, профессор, профессор

А.В. Малинов

21 мая 2022 г.